

## ЯТЬ

Я изобрёл йотированный ять  
И вставил в летопись. Проистекали годы –  
Дочь стала матерью, а сгорбленная мать  
Ушла в тот мир, где нет плохой погоды.  
Напоминала буквица крыльцо  
С навесом, стог, соседа-воеводу,  
Шрам на лице и, собственно, лицо,  
Когда глядишь в изменчивую воду.  
Сторела летопись, когда пришёл Бату,  
Господь мне рассказал об этом после  
Того, как я свалился в темноту,  
Где плыли ангелы, но не было ихazole.  
Исчез из азбуки йотированный ять –  
Забавная безделица, и только.  
Я тоже начинаю забывать  
В раю и дом, и вкус калины горький.

## ГОБЕЛЕН

Незаменим и вечен, как медленный Тобол,  
Стекает огуречный не по усам рассол  
На добрых на поминках дней, уходящих в прах.  
Стихотворенье Глинки и гобелен в сенях  
Над шаткою кроватью в пугающей ночи,  
Где обнажают братья пудовые мечи,  
Юродивое войско, где обряжают в путь...  
И мысль худого свойства мешает мне уснуть:  
Кровавая короста, обугленная речь...  
Что происходит после, лишь завершится сечь?  
Лежат на поле хлебном не зёрна – черепа,  
На вертел непотребный насажена судьба.  
Опять температура, и шум, и голоса,  
И смерть (ну, дура душой), взяв кухонный тесак,  
Глядит насторожённо и теребит висок,  
В глазах её зелёный мерцает огонёк.  
Я избегаю кошек – вечерних шансонье  
И не кладу горошек ни в суп, ни в оливье,

Не поднимаю руку (товарища спроси),  
Когда промозглым утром нам хочется в такси –  
Рассеян, бесприютен мой взгляд из-под венца...  
Кузнечик изумруден в глазнице мертвеца.

## СЛУХИ

Забудь о прошлогоднем одутловатом сне,  
Сугробы в преисподней, подтёки на сосне  
Смолы. Чем лучезарней потусторонний свет,  
Чем сердце планетарней, тем сгорбленной поэт.  
Улещивать напрасно обманчивую жизнь,  
В рябине тёмно-красной за окнами – чижи...  
Сегодня был не в духе старушечий кагал,  
И вместо них я слухи взводил на пьедестал:  
Соседка изменяла, пока мужик сидел  
(Был вечер томно-ялов и ветер скороспел...),  
Узнал я, кто в сарае переколол дрова...  
Я слухи распускаю, как девки кружева,  
И что в ответ имею? «Он – пьяница и мот,  
Он соблазнился ею, а не наоборот!  
Вчера он мылся в бане – гремел пустым ведром!»  
А дальше – как в тумане, призывном, голубом.  
Горчит калиной воздух, засеребрился кров,  
Душа считает розги несбывшихся грехов.

## НА МАРШЕ

Я первый в четвёртом ряду  
Большой македонской фаланги,  
И небо, как сердце с изнанки,  
Похоже на небо в аду.  
Листаю мгновенья назад:  
Ладья и поход предстоящий...  
Я, в чёрную пену смотрящий, –  
Сын Одина, идущий в ад.  
Тюки... Раскалённая степь...  
В колчане оплавилась стрелы.

Скачу за родные пределы  
Монголою, обрityм на треть,  
И падаю – пулей прошит  
Французской под Аустерлицем.  
На мёртвые русские лица  
Туман опуститься спешит.  
В каком это было бреду?  
Чей сон подсмотрел сокровенный?  
В себя прихожу постепенно:  
Я – первый в четвёртом ряду.

## ВЕЧЕР

Был вечер сумрачен и светел,  
Неприснопамятен, смолист,  
Обёрткой озера конфетен,  
Шероховат, как Ференц Лист  
В «Дон Санчо». Шумен, паровозен:  
«Чух-чух» – котельная дымит;  
Жуком во льду анабиозен,  
Ракетноносен от ракии,  
Парчов, нахмурист и фаянсов,  
Колоден, гжелен, пеньковат,  
Лишён вселенского пространства  
Ввиду использованных гряд...  
Траншеен – кроткими кротами;  
Окопен – складками межи,  
Где истончается орнамент  
Колосьев вызубренной ржи.  
Забыл, что набожен, киотен,  
Богоуступен, восковит,  
Гравюрен (изб помпезный оттиск  
Имеет затрапезный вид).  
От злого ветра зуботычин –  
Уродлив, стаен (журавлин),  
Луною кругл. Космогоничен,  
Как свежeweыпеченный блин!

## МОСТ

Протиснись в скрипучую душу зимы!  
Возьми у подлеска осины взаймы.  
Природным огнём упоённая печь  
Трещит, как по крепким редутам картечь.  
Мой сон проявляется явью во сне,  
Где мама читает Чуковского мне,  
Где вечность скрывает увечье реки,  
Где камни разбиты, как в кровь кулаки.  
Из всей «Илиады» мне нравится конь:  
Его хоть корми, хоть пои, хоть супонь,  
Седлай на рассвете – в его животе  
Ахейцы, как дети, сидят в темноте.  
Протиснись в холодную душу мою –  
Узнаешь, как страшно стоять на краю,  
Фунт лиха почём (красен долг платежом),

О долге – недолго, отдельно, потом.  
Зима – рукотворна, молитва – темна...  
На фоне закрытого ветром окна –  
Под небом в отметинах кровельных звёзд –  
Из детства и снег, и колодец, и мост.

## Триада

### СОМАТИКА

Соматика холма, он сумрачен и снежен,  
Соматика сома, который был да сплыл...  
Есть берег у реки, у моря – побережье,  
Есть огонёк в печи, стремящийся в распыл.  
А осень, веселясь, усердно корчит рожи,  
Пороша не спешит, в кривые зеркала  
Оглубиневших луж на каменистом ложе  
Глядятся лишь церквей крутые купола.  
И звёзды в небесах напоминают клевер,  
И в шелесте листвы рождаются стихи,  
И трудно отделить зерно луны от плевел  
Свинцовых облаков, застрявших у стрехи.  
Привратники-стога сошлись у переправы  
И, паводка боясь, оскалили шесты...  
Я вижу из окна сквозь сдвоенные рамы  
Замёрзшие пруды – гигантские следы  
Того, о ком прочёл вчера я сказку на ночь.  
Неужто здесь бродил ужасный Блендербор?...  
Соматика звезды... Звезда упала навзничь  
В открытую ладонь и тлеет до сих пор.

### СХОЛАСТИКА

Схоластика холма над тихим побережьем,  
Схоластика сома, вздымающего ил,  
От ласточкиных гнёзд, пока заря не брезжит,  
Могильный холодок – навязчив и постыл.  
Ещё осенний лес не лезет вон из кожи,  
Не будят петухи уснувшего села,  
Податлива душа, как не прошедший обжиг  
Горшочек (не вари ни подлости, ни зла!).  
Блуждают Братья Гримм по гримпенскому небу,  
В отличие от них я вижу облака:  
Одно – облезлый кот, другое – страус эму,  
И сами Братья Гримм, но не наверняка.  
Паденьем желудей дырявится погода,  
Меланхоличный мох, токсичный мухомор –  
Они без лишних слов сгорают год от года,  
Но множатся весной распространеньем спор.  
И у меня есть сын, и дочь моя в Вероне,  
Они, меня любя, не помнят обо мне...  
И часто перед сном я подхожу к иконе  
И что-то бормочу о поле и луне.

## СОФИСТИКА

Софистика холма без праздничной одежды,  
Софистика сома, чьей тенью Азраил.  
Я вру вам, что живу, хотя не врал вам прежде,  
А где, зачем и с кем живу – я позабыл.  
Сугорбый мой сосед сойдёт за Квазимодо,  
За Гуинплена – жук, за Клею – стрекоза.  
Вчера как первый снег обрушилась свобода  
И ей наперекор обуглилась слеза.  
С добытого сома сосед сдирает шкуру,  
Построен у холма игрушечный завод.  
Я покидаю мир де-факто и де-юре,  
Как гавань корабли, спешащие в поход.  
Всё, что сходило с рук, повисло тяжким грузом  
На старческих плечах, и (к черту канитель!)  
Я покидаю мир, воспользовавшись шлюзом –  
Ищи меня-свищи за тридевять земель.  
Не зная, что сказать, присяду на дорожку.  
Софистика души и спутник Азраил...  
Мне кажется, что я забыл в тарелке ложку,  
Тетрадку на столе я тоже позабыл.

## ОБОРОТЕНЬ

Нет, продолжаться так не может. Но продолжается...  
Трава,  
Намокнув, лезет вон из кожи,  
как лезут мошки в рукава:  
Неузнаваемая местность предстала взору, напоказ  
И пасмурность, и неизвестность. Я заблудился,  
вот те раз!  
Залезть на дерево? Что толку?  
На тот ещё сорвёшься свет.  
Мерещатся за ёлкой волки, которых не было и нет.  
И сказки бабушкины кстати:  
коль заблудился, жди, что волк  
Тебя за шиворот прихватит, как печенега Ярополк.  
Чем больше думаю о волке, тем очевидней наяву  
Клыки – сверхпрочная калёнка<sup>1</sup>,  
глаза, как ягоды во рву,  
Кроваво-спелые – да, волчьи. Съесть ягод, что ли?  
Буду выть...  
Преображаясь через корчи,  
теляток махоньких губить.  
Да что телят! Красу-девицу  
к себе в чащобу отнесу!  
А чтоб косой не удавиться,  
ей косу нежно отгрызу...  
– Чего расселся на пенёчке?  
Чай, заблудился, куманёк?  
– Нет, бабы, волк я – одиночка.  
– Ну и сиди, раз одинок.

## СТАЛИНГРАД

Созревшим эхом виноградин  
стучит над оттепелью град,  
Гудит земля, которой ради я твёрже стал,  
чем Сталинград.  
Душа оплавленной воронкой  
зияет в сумрачности лет:  
Потрёпанная похоронка хранит  
рыданий горьких след,  
Хранят известия о ранах багрово-грязные бинты,  
Но кровь не сыплется, что странно,  
весенним градом с высоты.  
Сорвать бинты, напиток в стельку,  
как будто всё мне нипочём,  
Но боль моя в кремлёвской стенке  
застыла красным кирпичом.  
Скажу, не мудрствуя картаво,  
приехав нищим на село:  
Душа устала от накала, её корбило и жгло  
Холодной судорогой снега...  
Терпенью всякому предел  
Приходит. Что до человека... Он постарел.

## ИНКАРНАЦИЯ

Давно не рождалось в России поэта,  
подобного мне.  
Прошедших столетий мессии  
на тёмной молчат стороне.  
Лечу я со скоростью света в своём звездолёте  
один –  
комета обёрткой конфеты, планеты,  
как стая сардин...  
Душа развалилась на части,  
в спасительной капсуле сна  
твержу я святое причастье, предвидя  
мою инкарнацию в новое тело  
на чуждой планете, где я,  
Скандируя: «Слово и дело!»,  
ворвусь к праотцам бытия.  
Зелёные склизкие рожи  
меня затолкают во тьму –  
губами разбитыми «Боже!»  
вскричу я не знамо кому...  
За окнами в свете фонарном, багряном,  
как след от мантау,  
Луна. Бродит Пушкин в скафандре.  
Ату его, братцы, ату!

<sup>1</sup> Закалённое стекло (разг.).